

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XIV ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)

декабрь 1978 г.

Часть II

Москва 1979

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДРЕВНЕИНДИЙСКОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ

1. Изучение доминирующих в стиле "Махабхараты" поэтических приемов – эпитета и сравнения – приводит к выводу о наличии у них некоторых общих черт, которые могут быть соотнесены в дальнейшем со всей системой художественных средств этого памятника древнеиндийской словесности. Сходные черты, зафиксированные в практике употребления эпитетов и сравнений, прослеживаются в структурном, функциональном и семантическом аспектах,

2. К числу общих черт, объединяющих сравнение и эпитет, следует отнести их функционирование в качестве э п и ч е с к и х ф о р м у л, которые, являясь неперенным условием устного импровизаторского творчества, своеобразно организуют поэтический текст. Так, классификация формул "Махабхараты" и "Рамаяны", предложенная П.А.Гринцером, включает в особые разделы атрибутивные формулы (в том числе все виды эпитетов) и формулы-сравнения, выделяя в данном отношении эти средства художественной выразительности среди других.¹

3. Поиски взаимосвязи эпитета и сравнения опираются также и на внешний, лежащий в плане выражения факт соотнесенности художественных определений с ф о р м а л ь н о й с т р у к т у р о й сравнения, в которой эпитеты выступают как признаки компаративации: ... *sumahān abhavat svanaḥ /pravṛsīva mahāvāyor uddhatasya..* /III.228.28/² "Поднялся великий шум, словно от мощного ветра, налетевшего в сезон дождей". Кроме того, объектная часть сравнения (то, с чем производится сопоставление) может использовать эпитеты в качестве конкретизирующих характеристик: в приведенном выше примере – "мощный" о ветре; ср. также: *śarāṇ ācīviṣo-ramān* /VIII.18.3I/ "/Послал/ стрелы, подобные ядовитым змеям".

4. Если исходить из связи предмета и признака, который является в нем как сравнением, так и эпитетом, то изначальное построение обоих приемов является двучленным. Однако, модель сравнения характеризуется наличием, по меньшей мере, двух предметов, обладающих единым признаком (что и делает возможным их сопоставление). Но поскольку сравниваемые предметы как бы объе-

длина в признаке, структура сравнения, как и структура эпитета, может быть представлена как исходно бинарная (предмет-признак).

5. В пределах любого текста многообразие признаков, выраженных эпитетами и сравнениями, ограниченно определенными параметрами, в древнеиндийском эпосе — прямой причастностью наиболее существенных признаков адресатов к семантике основных образов эпопеи, ее идеологическим построениям этического и эстетического характера. Выявление приблизительных семантических полей, в пределах которых лежат основные значения эпитетов и признаков компаративации, обнаруживает их известную идентичность, что позволяет, базируясь на двоянных данных, с большей или меньшей степенью вероятности сформировать относительный набор основных этических и эстетических ценностей, значимых для "Махабхараты", таких, как мощь, величие, мужество, доблесть, слава, отвага, быстрота, грозность, красота, сияние, а также цветовые характеристики функционального назначения.

Вполне естественно, что обозначенные признаки, семантически облегающие эпитеты со сравнениями, не исчерпывают всего содержательного богатства и разнообразия поэтических приемов. Особо значащей с точки зрения идейно-концептуальной интерпретации "Махабхараты" является детальная разработка в эпитетах этического аспекта, с героикой непосредственно не связанного ("мудрый", "щедрый", "благочестивый", "верный дхарме", "правдоречивый", "стойкий в обете" и т.п.).³ Сравнения же зачастую акцентируют внимание на тех или иных внешних проявлениях адресата (величина, вид, форма, способ действия или проявления и т.п.). Если учесть определенную консервативность эпических сравнений, которая вполне отчетливо явствует, в частности, из примеров, оперирующих мифологическими представлениями,⁴ то можно фиксировать условную идеологическую "продвинутость" эпитетов.

6. Общеизвестно, что эпитеты и сравнения древнеиндийского эпоса в большинстве своем традиционны и назначение их в тексте определяется художественной установкой эпоса на создание типически-обобщенного образа. Постоянному характеру эпитета как основного средства типизации в фольклорно-эпическом творчестве

соответствует известное постоянство сравнений в "Махабхарате", выраженное, например, в существенности, повторяемости признака компаративации ("могучий", "славный", "прекрасный", "блистающий" и т.д.), в устойчивости словесного оформления объектной части:

puritāv iva kīṣṭukau /VIII.20.16; ср. III.103.11, 264.32./, в соотносимости набора признаков и объектов и соответствующего набора субъектов ("прекрасный, как полная луна, лотос" по отношению к лицу царя, воина, героини, ребенка и т.д.; "грозный, как Смерть, Яма, змея, яд" – о воине, отшельнике, оружии и т.д.).

7. С ф е р а и с п о л ь з о в а н и я и и с т о ч н и - к и ф о р м и р о в а н и я эпитетов и сравнений характеризуются широтой и всесторонностью охвата: эпитеты определяют не только все существенные для героической эпопей категории лиц, предметов, явлений и состояний, формирующих совокупный, основополагающий образ эпической битвы, но и касаются категорий второго – дидактического – плана содержания эпопей; сравнения же, в свою очередь, затрагивают все наиболее значимые стороны эпического бытия и мировоззрения. Идеино-концептуальная мотивированность дополняется для сравнений возможностью непосредственного отражения в их содержании мифологических, этических, правовых, философских и иных мировоззренческих построений.

8. Ф у н к ц и я з н а к а - с и г н а л а, семантически и эмоционально предваряющего описываемую ситуацию, свойственна как эпитетам, так и сравнениям: "Вскоре появится у тебя дочь, пламенная душой" /III.277.17/ – предрекает богиня Савитри рождение царевны, духовной мощи которой вынужден был покориться сам бог смерти Яма; "словно волк в логово львов" /III.251.8/, вступает чужеземец в обитель героев, где осталась в одиночестве их супруга, и далее описывается сцена похищения Драупади пришельцем-недругом.

9. "Н а н и з ы в а н и е" эпитетов как общефольклорная черта имеет некоторую параллель в выстраивании нескольких сравнений к одному и тому же субъекту. Однако, если целью развернутого ряда эпитетов является преимущественно разработка, нюансировка самой общей идеи, например, высоких добродетелей царя: *āsīn madresu dharmātma gājā paramadhārmikah* /brahmaṇyaḥ sa śaṅgaṇyaḥ sa savyasañdho jitendriyah/ /III.277.6/ "Был у мадров царь, душой [преданный] дхарме, блудущий высочайшую дхарму,

углубленный в познание брахмана, дарующий защиту [поданным], верный слову, смиривший чувства", — то перечень сравнений значительно теснее связан единством разрабатываемого признака: Арджуна сразил Карну, "как Махендра — Вритру, как Рама — Равану, как Кришна — Муру, как Рама Бхаргава — Картавирыю" /VIII.4.52/.

В целях полноты описания следует заметить, что в цепочке сравнений может также присутствовать элемент нюансировки признака, например: "Руки, подобные железным брусьям, — точно пятиглавы змеи" /III.54.6/. Такие признаки сравнения, как мощь, смертоносная сила, а также форма рук воина, конкретизируются во втором случае уподоблением пятипалой руки пятиглавому змею (ср. VIII.26.II–I5, где герой Карна уподобляется солнцу по различным линиям сходства). С другой стороны, некоторые эпитеты, близкие по значению, объединяются в довольно устойчивые блоки, разрабатывающие один и тот же или близкие по значению признаки: ...*na-maakṛtvā svayaṁbhava puruṣāya purāṇāya śācvatāyavyayāya sa...* /III.186.13; ср. 160.17, 169.29, 170.6, 186.15/, "Почтив Самосущего, древнего, извечного, непреходящего Пурушу"... Наблюдается, таким образом, наличие определенного диапазона значений признака внутри развернутого ряда эпитетов и сравнений: от тождества или синонимии (преимущественно в сравнениях) до четкой обособленности в рамках самого общего представления (у эпитетов).

Объединяющей чертой "наименования" эпитетов и сравнений является потенциальная установка на своего рода полноту описания, повышающую эмоциональный эффект произносимого текста. Информационная ценность таких перечней, как правило, низка в силу традиционного характера определений и привычности ассоциаций.

Дальнейшее исследование других элементов поэтической формы древнеиндийского эпоса сможет, по-видимому, показать, что эпитеты и сравнения "Махабхараты" не только высоко значимы с точки зрения формального и семантического построения текста, но и являются организующими звеньями эпической поэтики.

I

П.А.Гринцер, Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. М., "Наука", 1974, с.40–46.

2

Ссылки даются на третью и восьмую книги "Махабхараты" (критическое издание): *The Mahābhārata, Āraṇyaka-parvan (pts.1-2)* Poona, BORI, 1942; *The Kāṇḍaparvan*, Poona, BORI, 1954 (текст на санскрите). Цифры в квадратных скобках означают: римская – номер книги, следующая за ней – номер главы, последняя – номер шлоки.

3

Таким образом, на уровне поэтического приема подтверждается правомерность положения П.А.Гринцера о специфичности содержания "Махабхараты", являющегося двуединым синтезом дидактического и собственно эпического слоев – см. П.А.Гринцер, Древнеиндийский эпос..., с.330.

4

Здесь можно сослаться, к примеру, на обилие ведических реминисценций, связанных с Индрой, на меньшую популярность по сравнению с ним ведущих эпических богов – Вишну, Шивы и Брахмы, преимущественную ориентацию в сравнениях на героический, а не инкарнационный аспект синкретного образа Кришны и т.д.

М.И.Никитина

ХЯНГА "СТАРИК ПРЕПОДНОСИТ ЦВЕТЫ" (VIII в.)

В СВЯЗИ С ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ ОБ "ОБЛИКЕ" "СТАРШЕГО" И "МЛАДШЕГО".

Анализ некоторых хянга, древних поэтических произведений на корейском языке, помещенных в "Самгук юса" (1285), привел нас к выводу о существовании в корейской культуре VII–IX вв. особой системы представлений о человеке, социуме, космосе. В этой системе отношения социально значимого и социально зависимого лица, отношения с врагом и т.д. осмысливались в категориях "облика" и других, соотносимых с ней категориях (например, "души–сознания").

Учитывая наличие в древней корейской культуре такого рода представлений, попытаемся уяснить функциональное назначение хянга "Старик преподносит цветы", которое до сих пор, несмотря на неоднократные попытки истолкования,¹ остается неясным. Эта хянга помещена в "Самгук юса", где включена в повествование "Госпожа Суро" и датирована первой половиной VIII в.:

Во времена Сондок-вана (702–736) сунджонский князь отпра-